

Сергей Борисов

Юлия Юшкова-Борис

Продолжая де Питирима Сорокина

Как проводить
социологические
исследования в регион
субъектах РФ (на опыте

Юлия Юшкова-Борисова
Сергей Борисов
Продолжая дело Питирима Сорокина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12845983
ISBN 9785447432300

Аннотация

В книге изложены результаты масштабного социологического проекта, осуществленного в Республике Коми экспертным центром «Мера» в 2004 году. В полученных «Мерой» результатах много поучительного и даже интригующего.

Содержание

Об исследовательской программе 2004-го года	5
Общая характеристика ситуации в Республике Коми	11
Вопросы политического развития Республики Коми	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Продолжая дело Питирима Сорокина
Как проводить социологические
исследования в регионах-субъектах РФ
(на опыте Республики Коми)
Сергей Борисов
Юлия Юшкова-Борисова**

© Сергей Борисов, 2015

© Юлия Юшкова-Борисова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об исследовательской программе 2004-го года

В начале 2004-го года Экспертный центр «Мера» – негосударственное научно-исследовательское учреждение – осуществил в Республике Коми исследовательский проект под названием «Проблемы и перспективы развития Республики Коми». Республика привлекла нас в профессиональном отношении, условия работы позволяли во-первых, грамотно и интересно формулировать задачи; во-вторых, гарантировали творческую свободу и возможность выдвигать встречные предложения, касающиеся подходов к решению этих задач и методов исследовательской работы.

К тому времени ЭЦ «Мера» (в 1992—2003 годах – Нижегородский исследовательский фонд, НИФ) накопил приличный опыт работы по регионологической тематике: исследовательский, консалтинговый, проектный. Этот опыт включал в себя и собственно исследовательские проекты с использованием инструментария научно-гуманитарных дисциплин, прежде всего, социологии и политологии; и партнёрское соучастие в общероссийских сетевых мониторинговых практиках, построенных на привлечении корпуса региональных экспертов; и организацию регулярных научных форумов академического и прикладного характера, включая три общероссийских Конгресса по регионологии (1997, 1999, 2001); и непосредственное участие – экспертное, консультативное, организационное – в общественно-политических кампаниях в регионах России, чаще всего, в выборах руководителей субъектов Федерации.

К 2004-му году «портфолио» ЭЦ «Мера» включало в себя такие регионы как Нижегородская, Ульяновская, Кировская, Магаданская, Калининградская, Владимирская, Московская области, Республики Татарстан и Ингушетия, некоторые другие регионы и муниципалитеты. На видном месте в этом списке была и Республика Коми – регион совсем не чужой для нас, руководителей «Меры». С ним было связано немало как в плане наших профессиональных, так и личных биографий.

В результате интенсивных и плодотворных переговоров с представителями заказчика на свет появилась Комплексная исследовательская программа. В обобщённом виде её цели и задачи формулировались так:

– исследовать и описать *состояние и тенденции развития региона* в представлениях населения: всего регионального сообщества и отдельно – региональной элиты;

– выявить, описать и иерархизировать *жизненные ожидания и установки жителей РК*, их представления о проблемах и перспективах региона, об угрозах, вызовах и ценностях жизненного пространства;

– провести диагностику *отношения населения к действующей власти* (региональной, муниципальной, федеральной), основным акторам регионального политического процесса, прикреплению ответственности и ожиданий к различным уровням, институтам и персонажам властного пространства; отдельно – выявить реальные *фигуры влияния и лидеров общественного мнения* на местном и региональном уровнях;

– описать и проанализировать *медийно-коммуникативное пространство региона*; изучить практику медиа-производства и медиа-потребления в республике в целом и в отдельных местностях; подготовить *паспорт СМИ* региона с их полными количественными и качественными характеристиками;

– выявить и описать местную *специфику* жизненных установок и ожиданий населения *различных территориальных зон и населенных пунктов* области;

– исследовать *электоральную мотивацию* населения республики в целом и отдельных (прежде всего, референтных) групп; выделить и ранжировать *факторы электорального самоопределения* избирателей региона.

Легко увидеть, что предписанные задачи относились к двум уровням конкретности. Первый уровень – это работа с базовыми, системообразующими характеристиками региона, теми, что устойчивы и воспроизводимы в долгосрочной перспективе. Второй уровень – это изучение общественной и политической конъюнктуры, актуального состояния регионального сообщества.

Нужно сказать, что такое сочетание в рамках единого целевого задания со стороны заказчика научно-гуманитарного проекта встречается редко. Гораздо чаще эти задачи разделяют и привлекают для их решения исполнителей разного типа. Для стратегических разработок – как исследовательского, так и проектно-программного характера – ангажируются крупные, статусные структуры типа академических институтов и университетов; создаются комиссии с привлечением большого количества видных людей по принципу занимаемых ими должностей; вокруг процесса развёртывается сложное административное обеспечение. Иногда для такой работы в регионах приглашаются брендовые консалтинговые центры, как правило, столичные или зарубежные. В результате на свет рано или поздно появляются солидные обширные документы, наполненные профессионально собранной и обработанной информацией, качественной (часто) аналитикой и толковыми (в основном) предложениями.

Традиционным недостатком таких документов, именуемых чаще Программами стратегического развития или как-то подобным образом, является их слабое влияние на реальную управленческую практику. Фундаментальность, системность, информационная насыщенность – их безусловные достоинства – зачастую нивелируются академической отстранённостью от прозы жизни, а также бюрократическим стилем разработки и последующей социализации произведённого контента. Проще говоря, они неудобны для практического использования, поэтому их обычный удел – украшать полки «высоких» кабинетов своими массивными, респектабельно оформленными томами.

С другой стороны, для текущего измерения общественной «температуры» приглашают, как правило, поллстеров – социологические службы, специализирующиеся на анкетных опросах. Известно, что этот метод социологического исследования, с которым большинство людей отождествляет социологию вообще, способен дать многое для понимания общественных процессов, для измерения отношения людей к той или иной реальности. Его главное преимущество – широта охвата населения в сочетании с оперативностью исследовательской процедуры. Убедительности, солидности поллстерской практике (обычно говорят о количественных методах социологических исследований) придаёт и активное использование математического аппарата, благодаря чему сложное и запутанное всегда можно представить в наглядной и доступной пониманию непрофессионалов форме цифр, таблиц, графиков. Услуги поллстеров бывают особенно активно востребованы во время избирательных кампаний, а также в связи с иными общественно-значимыми событиями. И при добросовестном профессиональном подходе они действительно дают довольно точный срез общественного мнения: здесь и сейчас.

Но, как известно, универсальных методик не существует, у всех есть свои ограничения. Количественные методы хорошо работают, когда нужно узнать «кто?», «что?» и «как?», но пробуксовывают, когда нужно выяснить «почему?» и «зачем?». Здесь требуются другие методы, и прикладная социология имеет их на своём вооружении. Прежде всего, это так называемые качественные методы – за пределами профессионального круга из них наиболее известны фокусные группы и экспертные интервью.

Понятно, что наибольшие эвристические возможности открывает комплексный подход, когда результаты, полученные различными методами, обрабатываются и анализируются как единый информационный массив; когда каждая исследовательская процедура добавляет новые краски в общую картину и помогает подняться на более высокий уровень понимания

происходящего. Это особенно важно, когда мы имеем дело с таким сложным, многогранным объектом исследования как регион и региональное сообщество. Здесь нельзя игнорировать ни историческую глубину вопроса, ни тугое переплетение экономических, социальных, гуманитарных аспектов темы, ни дыхание политической конъюнктуры.

Подход к исследованиям регионов – субъектов Федерации, принятый Экспертным центром «Мера», и в 2004-м году и поныне, основан на принципе: «одни руки – одна голова». Это значит, что мы считаем нежелательным разрывать цепочку действий: планирование – полевые исследования – анализ данных – разработка проектного продукта (оценки, предложения, рекомендации, программы). Такие разрывы снижают отдачу от интеллектуального сервиса, каковым являются в договорных отношениях и исследования, и консалтинг, и проектирование. Хотя, разумеется, в какой-то момент миссия приглашённых интеллектуалов исчерпывается, и далее заказчик продолжает жить своей жизнью – но уже оснащённый плодами наших трудов.

В 2004-м году заказчик согласился в целом с нашим подходом и нашими предложениями по плану работы в Республике Коми. В результате план Комплексной исследовательской программы составил, помимо обязательного подготовительного этапа, связанного с изучением и технологической операционализацией массивов разнообразной информации об объекте, из пяти социологических процедур:

1) *цикла полуформализованных интервью с жителями РК* с общим объёмом выборки не менее 180 респондентов;

2) *цикла глубинных социологических интервью с представителями региональной элиты* с объёмом выборки не менее 65 респондентов (органы власти, хозяйствующие субъекты, гражданские и гуманитарные институции)

3) *коврового анкетного опроса населения РК* с объёмом выборки – 2000 респондентов и охватом всех 20-ти районов республики

4) *цикла фокусных групп с представителями населения РК* из 12 сессий в 4-х населённых пунктах – Сыктывкар, Усть-Кулом, Ухта, Воркута и общим участием 120-ти респондентов

5) *фронтального мониторинга СМИ и пилотного исследовательского проекта по медиапотреблению в РК*

Дадим несколько пояснений из нынешнего 2015-го года, чтобы снять возможные вопросы, особенно у специалистов.

Первое – по поводу *полуформализованных интервью* – методики, редко применяемой в социологической практике. В нашем варианте она представляла собой сочетание опроса по формализованной анкете с техникой рассказывания историй, заимствованной из арсенала прикладной психологии и адаптированной к социологической практике. Такое сочетание позволяет получить информацию по интересующим исследователя вопросам, не ограничивая формат актуальной реальности респондента, как это происходит в анкетном опросе с конечным числом возможных ответов и заранее сформулированными реакциями. По сравнению с методом глубинных интервью, которые даже в большей мере отвечают обозначенному требованию, полуформализованные интервью более удобны быстротой обработки при охвате достаточно большого числа респондентов.

Метод более сложен в применении по сравнению с традиционным анкетным опросом, поскольку требует наличия квалифицированных интервьюеров, понимающих задачи и особенности метода и способных обеспечить полноту и точность передачи мыслей респондента в конспективной форме. Но использование этого метода на первой стадии работ позволяет резко повысить эффективность всего комплекса исследовательских процедур и избежать в дальнейшем различных ошибок.

На первом этапе реализации КИП были поставлены следующие задачи:

– Выявить спектр *проблем*, находящихся в зоне острой актуальности для общественного сознания и определить круг факторов, на них влияющих

– Получить представление об уровне *социального оптимизма* (пессимизма) и факторах, его обуславливающих

– Выявить *значимых акторов* республиканского и локальных политических пространств, выяснить, на чем базируется их оценка населением, что является основой для формирования их позитивных или негативных образов

– Определить *степень общности* общественно-культурного пространства, выявить ценностные конструкты, образы, которые являются основой социокультурной целостности региона, или наоборот – служат основой для внутрирегиональной разобщенности

Получить спектр мнений по поводу характера и конкретных результатов *изменения личной жизни* в контексте изменений общественно-политической жизни (ориентируясь на период с момента смены Главы Республики Коми в 2001 г)

– Получить представление о преобладающих *жизненных стратегиях* населения, с чем оно связывает свое будущее, и какую роль в нем отводит себе и субъектам республиканского политического пространства

Результаты данного этапа использовались для формулирования гипотез и методологического планирования последующих исследовательских этапов (анкетного опроса, фокус-групп) и подтверждения либо корректировки сделанных выводов.

Второе пояснение касается *исследования медиапространства региона*. Этот пункт появился в плане работ не случайно. Дело в том, что ЭЦ «Мера» (ранее – НИФ) со второй половины 90-х годов серьезно занимался вопросами медиасоциологии: как в теоретическом, так и в прикладном плане. В частности, была разработана оригинальная методология и технология фронтального мониторинга СМИ в масштабе региона – субъекта Федерации. В течение ряда лет мониторинг СМИ Нижегородской области – печатных, электронных и сетевых – осуществлялся группой НИФ по контракту с региональной администрацией, а также нескольких крупных экономических акторов. Постепенно накапливался и опыт «выездной модели», когда формировалась группа для развёртывания мониторинга на определённый период в другом регионе. Чаще такие заказы поступали в связи с избирательными кампаниями.

Постепенно, по мере накопления опыта, выработалась модель паспортизации СМИ конкретного региона, включающая в себя описание количественных и качественных характеристик медийно-коммуникационного регионального пространства. Этот опыт нашёл отражение в общем плане работ в виде отдельного пункта – формально менее связанного с остальными, но включившего в себя уникальный пилотный подпроект изучения восприятия информации двуязычной медиа-аудиторией. Для этого подпроекта была разработана специальная оригинальная методика.

Работы проводились в период с начала мая по конец июля 2004-го года. Любому, кто имел дело с прикладной социологией, понятно, что 11 недель – это крайне сжатые сроки для такой масштабной исследовательской программы. Но коллектив «Меры» справился с задачей и, не скроем, мы до сих пор гордимся этой работой. Кроме нас, руководителей проекта Юлии Юшковой-Борисовой и Сергея Борисова, ядро творческого коллектива составили наши коллеги Елена Иваньшина, Константин Далецкий, Наталья Плескунина, Николай Голиков. Тесно сотрудничали с нами коллеги отдела социологии Коми филиала Уральского отделения РАН во главе с Т. Лыткиной. Нам оказывали необходимое содействие многие люди, которым мы искренне благодарны по сей день.

План был выполнен полностью, по итогам работ были представлены следующие материалы:

I Сводный отчет

Описание исследовательской программы

Общая характеристика ситуации в Республике Коми

Тематические блоки

Проблемы жизни и развития РК

Персоны политического поля РК

Экономика. Природопользование. Отношения с крупными корпорациями, работающими в РК

Народонаселение. Проблемы переселения

Вопросы национального развития и межнациональных отношений в РК

Характеристики медиапространства РК

Рекомендации

II Приложения

Том 1. «Проблемы и перспективы Республики Коми в актуальном общественном мнении» (по материалам цикла полуформализованных интервью с жителями РК)

Том 2. «Проблемы и перспективы Республики Коми в представлениях региональной элиты РК» (по материалам цикла глубинных социологических интервью с представителями региональной элиты)

Том 3. «Установки и ожидания населения Республики Коми» (по материалам коврового анкетного опроса населения РК)

Том 4. «Проблемы и перспективы Республики Коми в представлениях целевых групп» (по материалам цикла фокусных групп: 12 сессий в 4-х населенных пунктах – Сыктывкар, Усть-Кулом, Ухта, Воркута)

Том 5. «Медиапространство Республики Коми» (по материалам фронтального мониторинга СМИ и пилотного исследовательского проекта по медиапотреблению в РК)

III Паспорта районов РК (сформированы по материалам исследований методом выделения фрагментов, относящихся к отдельным территориям)

Далее в нашей книге будут приведены выдержки из этих материалов, так сказать, избранные места. Почему мы публикуем не все тексты? Во-первых, потому что их суммарный объём слишком велик для публикации: он превышает 1000 страниц. Во-вторых, что-то утратило актуальность и явно не будет интересно читателю в 2015-м году. Наконец, в-третьих, по причинам этическим: не всё, изначально написанное, может быть вынесено на всеобщее обозрение – даже спустя 11 лет.

В книгу включена значительная часть сводного аналитического отчёта, где изложены наиболее важные описания, выводы и рекомендации по результатам проведённых работ. Плюс мы сочли возможным присоединить к основному тексту в качестве двух приложений фрагменты из материалов исследований. Одно приложение – это обоснование содержания анкеты для количественного опроса. Надеемся, оно будет методологически интересно для коллег, особенно молодых. Второе – это таблицы линейных распределений ответов респондентов на вопросы анкеты: главная часть из результатов опроса.

Данные других исследовательских процедур: экспертных интервью, фокусных групп, мониторинга медиа – не включаем по указанным выше причинам: объёмы, актуальность, этика.

...У коми-земли хорошая социологическая карма (в рифму тут прямо-таки просится «парма» – случайно ли?): примерно сто лет назад здесь «пробовал голос» молодой Питирим Сорокин – будущий гранд мировой социологической науки, местный уроженец. В 2014 году

его именем назван Сыктывкарский государственный университет. И это правильно. Именно такие люди – учёные, писатели, просветители, инженеры, изобретатели, музыканты – дают имя народам, из которых они вышли.

Конечно, в 1910-е годы, когда начинающий учёный публиковал свои первые статьи, социологическая наука не обладала и десятой долей её сегодняшних возможностей. Но главное, что было заложено Сорокиным и завещано нам, его преемникам: острый, неутолимый интерес к людям, к их жизни, их отношениям; к сходству и отличиям народов; к глубинным причинам общественных событий.

Жаль, что нельзя обсудить с Питиримом Александровичем результаты наших исследований, сравнить их в живом, профессиональном диалоге с теми описаниями и выводами, которые формулировал он, изучая те же территории и население, то самое, которое через 3—4 поколения досталось в качестве объекта нам.

Но продолжать его дело нужно. Мы и продолжаем.

С. Борисов.

Общая характеристика ситуации в Республике Коми

Содержание и развитие социально-экономической и общественно-политической жизни Республики Коми на сегодняшний момент в целом определяется следующими тенденциями и процессами:

– Экономической и административно-политической *модернизацией*, включающей попытку демонтажа авторитарной модели управления регионом, сложившейся в 90-е годы. Усложнением *внешних* (макроэкономических и общеполитических) факторов формирования условий жизни и управления РК

– Глубокой социальной (психологической и мировоззренческой) *депрессией* общественного сознания, фрустрированного, прежде всего, отсутствием сколь-нибудь привлекательных жизненных перспектив для региона в целом и каждого из его жителей и семей в отдельности

Проведенные исследования отчетливо высветили главную проблему региона и его жителей: значительный *разрыв между относительным текущим благополучием и принципиальной неопределенностью будущего* – не только в долгосрочной, но также в средне- и краткосрочной перспективе. Образно говоря, в сознании жителей РК «сегодня» и «завтра», тем более, «послезавтра» не монтируются друг с другом. Именно по этой причине видение ситуации в республике как глазами населения, так и глазами региональной элиты отличается негативизмом, встревоженностью и отсутствием оптимизма.

С помощью кросс-анализа: (а) данных, полученных в ходе нынешних исследований; (б) разнообразной документальной информации и (в) фрагментов социологического архива 2001 года аналитической группой осуществлена *реконструкция причинно-следственной основы сложившейся ситуации*. Вот ее описание.

[...] Жители РК оказались плохо подготовлены к трудным временам, прежде всего, психологически. Все материалы исследований показывают, что основные антирыночные стереотипы советского и постсоветского периодов живут в сознании жителей РК, продолжая управлять их умонастроением и поведением. Они, жители, в подавляющем большинстве продолжают быть убеждены в том, что не они сами, а государство должно нести ответственность за их благосостояние и крайне болезненно реагируют на потери атрибутов своего бывшего привилегированного имущественного статуса, обусловленного географическим местонахождением. Пустой и вздорный с экономической точки зрения вопрос «Почему мы так бедно живем в такой богатой республике?» продолжает будоражить умы жителей РК, подрывая их мотивацию к продуктивной трудовой деятельности и проявлениям деловой активности. В целом результаты исследований позволяют усомниться в правоте популярной «теории 56-й параллели», согласно которой регионы, расположенные к северу от этой параллели, более склонны к демократии и рынку, нежели расположенные от нее к югу. В части отношения к рыночным принципам Республика Коми опровергает эту теорию: статистские установки ее жителей необычайно сильны и живучи. Это, в частности, наглядно видно из того, как в глазах респондентов анкетного опроса распределяется ответственность за решение тех или иных проблем РК и лично каждого из них. Если суммарная доля ответственности федеральной власти от совокупных условных 100 процентов составляет 37,3%; доля региональной власти – 28,3%; доля местной власти – 16,4%; то доля ответственности, которую жители возлагают сами на себя, составляет всего 6,2%, а на собственников предприятий РК – 5,1%.

[...] Попытки региональной реформации сталкиваются с проблемой *узкого коридора возможностей* для экономического развития РК, с фактической безальтернативностью сырьевой модели экономики и отсутствием иных конкурентных преимуществ региона. По крайней мере, именно так выглядит ситуация в глазах экономической и финансовой элиты РК, которая слабо мотивирована на расширение своих бизнесов в родном регионе, на планирование и инвестирование в долгосрочные проекты. Пессимизм регионального делового сообщества усугубляется и его уверенностью в том, что *все жизненно важные для экономики региона решения принимаются ныне за пределами РК*, в центральных офисах сырьевых корпораций, разрабатывающих природные ресурсы республики. По результатам исследования видно, что для успешных экономических реформ *в регионе остро недостает* соответствующего социального субстрата – *активного предпринимательского слоя*, заряженного конструктивным оптимизмом в сочетании с долей здорового местного патриотизма. Только этот социальный субстрат может расширить коридор возможностей для региональной экономики и увеличить свободу маневра для властей в РК в борьбе с реальной тенденцией окончательного превращения республики в одну большую колониальную факторию, в «заготконтору» (известное образное выражение Расула Гамзатова).

[...] Пункт о переселении особенно важен в свете того, что именно в последние 2—3 года начали проявляться уже в полной мере некоторые неблагоприятные долгосрочные тенденции, прямо влияющие на уровень и качество жизни в РК. Самое опасное: дал о себе знать – уже во всей полноте негативных хозяйственных, социальных и гуманитарных последствий – *системный кризис советской модели освоения Севера*. Наследие этой модели – хронически нерентабельные производства; крупные стационарные поселения в местах, мало пригодных для жизни людей, и застрявшее там избыточное население, выработанное физически и морально; засоренность общественного сознания мифами советской идеологии хозяйствования; – легло тяжелой нагрузкой не только на нынешнюю экономику и бюджет РК, но и на социальное самочувствие населения. *Республика оказалась вынуждена выплачивать своему населению чужие долги*: в прямом и в переносном смыслах.

Уже по этой причине решение комплекса проблем по переселению северян оказалось в центре внимания не только жителей самих за- и приполярных городов, но и всего населения РК. Очевидно, что успехи или, наоборот, провалы в реализации переселенческих программ в глазах общественного мнения будут в течение нескольких ближайших лет одним из наиболее важных показателей качества работы региональной власти и, соответственно, источником электоральных побед или поражений. Причем, важно учесть, что население разных районов будет оценивать эту деятельность по разным критериям, поэтому при принятии решений по вопросам переселения северян *важно найти «общий знаменатель», одинаково понятный и приемлемый как для переселяемых, так и для остающихся*.

[...] Ответственность за закрытие городов и населенных пунктов федеральные власти делят с республиканскими (51,5% и 47,2% соответственно). То же самое относится к развалу сельского хозяйства (51,1% и 49,6% соответственно), отсутствию перспектив для молодежи (49,1% и 49,8% соответственно), невыплате задолженностей по зарплате (43,2% и 42,1% соответственно).

Республиканские власти, больше, чем кто бы то ни было признаются ответственными за бесконтрольное использование природных богатств. Это максимальный показатель по ответственности для этого уровня власти. То есть, самый любимый населением миф о том, что «Республика такая богатая, а мы такие бедные» имеет конкретную направленность недовольства республиканским правительством, которое не в состоянии контролировать пришедших собственников.

Следующей по уровню ответственности для республиканских властей является проблема плохого состояния, отсутствия автодорог. Ответственность за нее они делят с мест-

ными властями, для которых это максимальная и практически единственная значимая сфера ответственности (53% и 50,5% соответственно)

Собственники предприятий в глазах населения вообще мало за что отвечают. Самое большее, что им готовы поставить в вину – это загрязнение, разрушение окружающей среды (38,8%). Даже невыплата задолженности по зарплате ложится сначала на совесть федеральных и республиканских властей, а уже после них, на собственников предприятий (43,2%, 42,1%, 33,3% соответственно). Сокращение рабочих мест ставится в вину сначала республиканским, потом федеральным и местным властям, а уже затем собственникам предприятий (50,3%, 45,3%, 35,0% и 22,4%). Та же самая ситуация с бесконтрольным использованием природных богатств – за это ответственны сначала республиканские власти (56,6%), затем федеральные (49,8%), и уже потом местные власти (19,6%) и собственники предприятий (17,3%)¹.

В связи с вышеперечисленным напрашивается вывод о том, что собственники предприятий в глазах населения предстают некоей реальностью, которую надо просто воспринимать как данность – они именно таковы, какие есть. Стремление снижать издержки заложено в самой природе предпринимательства, ведения бизнеса. По доброй воле они это делать не должны. А вот власть, преимущественно республиканская, должна отстаивать интересы народа, Республики, обязывая собственников выполнять ряд важных условий социального и природоохранного характера. Возможно, у населения также срабатывает реакция боязни критики тех, кто принес хоть какое-то благополучие – не до повышенных требований, может не быть и этого. Поэтому, лучше, если условия собственникам будут выставлять не сами работающие, а те, кто призван отстаивать их интересы. То есть, исполнительная власть, причем республиканская, потому что федералы совсем далеко, а местные не обладают достаточной силой влияния

Сами жители готовы взять на себя ответственность за алкоголизм (52,4%), в какой-то степени за наркоманию (38,1%), снижение общего культурного уровня (32,1%), загрязнение, разрушение окружающей среды (38,8%) и бесконтрольное использование природных богатств (17,3%). Последнее, вероятнее всего, выражается в незаконной вырубке леса, несанкционированной ловле ценной рыбы и отстреле зверя населением. Есть предположение, что по направлениям, в которых жители готовы признать свою ответственность или в значительной мере разделить ее с властью, они будут способны достаточно позитивно воспринимать в свой адрес критику, элементы морализаторства. Однако это возможно только в очень корректной форме, иначе будут найдены и другие причины существования этих проблем с совершенно другими ответственными. Иными словами, едва ли стоит устраивать громкие, пафосные кампании по искоренению алкоголизма, скорее, это должна быть продуманная программа в гуманистическом ключе, например, на основе поддержки традиционных промыслов.

[...] Однако главный вывод исследовательской группы из анализа актуальной проблематики таков: *в сегодняшней жизни РК существует **мегапроблема**, все больше определяющая ее настоящее и будущее, – это убыль населения.* По данным органов статистики за период с 1989 по 2002 гг. численность населения республики сократилась на 18,6%, с 1.250,8 тысяч до 1.018,7 тысяч. Главная причина столь быстрого «съедивания» регионального социума – это, конечно, не массовый мор, природные катаклизмы или войны, а интенсивные миграционные процессы – обычное, в принципе, явление для РК. (Хотя и баланс естественной приросты-убыли населения в республике неблагоприятен уже довольно долгое

---

¹ Есть предположение, что если бы формулировка звучала как «**безответственное** использование природных ресурсов», то процент ответственности для собственников был бы выше. А в варианте «бесконтрольное» могла сработать следующая логика: те, кто используют природные ресурсы, не могут контролировать себя сами. А кто может контролировать? Какие-то властные структуры. И оценка уже шла только институтов власти.

время.) Однако если до начала 90-х годов миграционные потоки носили встречный характер и обеспечивали полноценную ротацию населения, то вот уже второе десятилетие переселение носит одностороннюю направленность: за пределы РК. За те же тринадцать лет (1989—2002) сократилась численность всех городов РК, кроме Сыктывкара. Причем, это касается не только проблемных Воркуты, Инты и Печоры, уменьшившихся примерно на треть, но и более благополучных Вуктыла и Усинска, потерявших соответственно одну четверть и одну пятую своего населения, и даже Ухты и Сосногорска, лишившихся каждого десятого жителя. И каковы бы ни были частные причины отъезда отдельных людей и семей, столь массовый исход с неизбежностью означает: *в глазах населения республика становится все менее и менее привлекательным местом для жизни и работы.*

Проведенные исследования подтвердили закономерность: если уменьшение численности населения в масштабах, привычных для тех или иных местностей и локальных сообществ, не воспринимается оставшимися как признак неблагополучия, то отъезд массовый, даже если он не несет для них каких-то особых проблем, порождает чувство неуверенности, страха за будущее, ощущение социального аутсайдерства. Человек в короткий срок лишается знакомого окружения: соседей по дому, товарищей по работе, лечащего врача в поликлинике, классного руководителя своего ребенка в школе и т.д.. В результате у него невольно формируется установка на то, что отъезд – главная цель и ценность в его жизни; что положение неухавшего – ущербное и дискриминируемое. И если до определенного предела *ускоренная убыль населения* является следствием различных экономических, демографических, социокультурных, политических причин, то с какого-то уровня она сама *превращается в мощный причинный фактор, в заразный социальный синдром.*

Под влиянием синдрома «уехать-во-что-бы-то-ни-стало» миграционные процессы приобретают нездоровый, панический характер; дезорганизуется рынок труда; усугубляются различные социальные проблемы; провоцируется миграция успешных бизнесов; стремительно нарастает старение и феминизация половозрастной структуры и т. д. И самое тревожное для РК заключается в том, что этот *синдром начинает распространяться не только на севере, но и в других районах республики*, начинает захватывать умы не только приезжего, но и части коренного населения. Исследования показали, что даже вполне оседлая Ухта и более чем укорененный Сыктывкар уже в значительной степени подвержены действию синдрома «уехать-во-что-бы-то-ни-стало». Бороться же с синдромом как с любым проявлением социальной энтропии сложно, поскольку он, во-первых, в значительной мере, иррационален, во-вторых, обладает мощной инерцией – его трудно остановить, когда он уже набрал силу.

[...] Все вышесказанное осложняется традиционным для РК отсутствием реального земляческого единства. Исследования подтвердили исходную гипотезу: *Республика Коми как целостное региональное сообщество не существует и никогда ранее не существовала.* Отсутствуют общезначимые символы и предметы региональной гордости. Фрагментировано информационное и культурное пространство. Локальные социальные связи для жителей РК, как правило, много важнее общерегиональных. Точно так же и иерархии жизненных проблем по районам и населенным пунктам РК существенно различаются между собой. С социологической точки зрения *Республика Коми представляет из себя конгломерат локальных сообществ, достаточно формально связанных между собой.* Не будет большим преувеличением сказать, что не существует как агрегированное, целостное явление и общественное мнение РК.

Именно в отсутствии целостности Республики ключ к пониманию важной особенности общественно-политического уклада РК: предельной узости круга фигурантов местной политики, более или менее известных по всему региону. На сегодняшний день этот круг составляют всего четыре человека: Владимир Торлопов, Юрий Спиридонов, Игорь Шпек-

тор и (с большими оговорками) Иван Кулаков. Объясняется этот феномен, очевидно, тем, что *трудно стать лидером общественного мнения в отсутствие общественного мнения.*

[...] В свете разорванности социального и информационного пространства региона вполне логично выглядит и *большая разница в оценках деятельности региональной власти и лично Главы РК*, а также других фигурантов регионального политического процесса. Внутрорегиональный разброс рейтинговых оценок первых лиц местной политической жизни в РК заметно выше обычных российских значений.

Вопросы политического развития Республики Коми

Анализ материалов исследований ясно показывает, насколько значительное, системообразующее влияние на региональный политический процесс, на общественное сознание в Республике оказал ход и результаты выборов Главы РК 2001-го года. Очевидно, что к началу кампании по выборам Главы РК в 2001 году в региональном сообществе вызрели ожидания перемен. Но последующая победа В. Торлопова не была результатом сколь-нибудь мощного протестного движения. Неудовлетворенность населения и элиты действующей властью и ее лидером действительно существовала, но, во-первых, она не достигала критических, «революционных» значений; во-вторых, была обусловлена в большей степени усталостью от авторитарного стиля Ю. Спиридонова, нежели радикальным несогласием с идеологией сложившейся управленческой практики.

Голосуя – так или иначе – в декабре 2001 года, избиратели РК вполне отдавали отчет в том, что замена Спиридонова на Торлопова есть внутринаменклатурная рокировка. Ретроспективно оценивая мотивацию электоральной поддержки Торлопова через призму данных нынешних исследований, можно утверждать: *ожидания перемен у населения РК были довольно сдержанными*, и тем более не предполагали готовности к каким-либо лишениям и жертвам ради реформ.

Между тем объективная потребность в модернизационных изменениях в РК к началу XXI века оказалась гораздо более глубокой и острой, чем субъективное осознание населением и региональной элитой их необходимости и неизбежности. В общественном сознании еще далеко не возобладало понимание того, что модель развития, на которую ориентировалось региональное руководство все 90-е годы, исчерпала себя экономически, политически и интеллектуально. Вот принципиальные черты этой модели:

- отказ от разработки и, тем более, применения в управленческой практике долгосрочных стратегий, идеологем, иных серьёзных концептуальных продуктов;
- содержательная и стилистическая ориентация на прагматизм популистского толка;
- конъюнктурно-адаптивное целеполагание при уклонении от решения проблем системного характера;
- установка на решение экономических и финансовых проблем политико-административным инструментарием; волюнтаризм и авторитарность в принятии жизненно важных решений;
- гипертрофированная роль первого лица во властных иерархиях;
- ярко выраженный патернализм и клиентеллизм (клановость, «кумовство») не только в кадровой политике, но и в основных управленческих практиках: хозяйственной, социально-распределительной, культурной;
- внеправовая уния с федеральным центром по принципу: политическая лояльность в обмен на «невмешательство во внутренние дела» региона – субъекта Федерации.

Единственной идеологемой, последовательно эксплуатировавшейся режимом Ю. Спиридонова с начала 90-х, были вариации на тему рентной экономики («РК – северный Кувейт» и т.п.), всегда беспрочно попадавшие в резонанс с цепкими и жидивенческими представлениями постсоветского населения. А победа русского Ю. Спиридонова над коми В. Худяевым на первых выборах Главы РК в 1994 году обозначила окончательный *отказ от использования этнически окрашенных стратегий регионального развития*. (Тема исторической развилки 1994 года подробно обсуждалась в ходе глубинных интервью с представителями региональной элиты. Преобладает мнение, что привлекательный татарстанский сценарий – добровольное дезавуирование сепаратизма и радикального национализма в обмен на многочисленные преференции от федерального центра – был неосуществим в РК, во-первых,

по причине невысокой доли титульного этноса в составе населения; во-вторых, из-за нерешительности и непоследовательности коми национального движения.)

Одаренность РК сырьевыми ресурсами и, как следствие, относительно высокие бюджетные доходы, дали возможность Ю. Спиридонову и его клиентелле придать местной версии регионального авторитаризма не слишком brutальное, скорее, респектабельно-холёное лицо. А характер взаимоотношений региона-донора, к тому же – этносубъекта Федерации, с федеральным центром в ельцинский период позволял правящей группе длительное время консервировать привилегированный имущественный статус населения северной территории внеэкономическими методами. А это значит – сохранять значительную базу социальной и электоральной поддержки. Тем не менее принципиальная исчерпанность режима сказалась, и выборы 2001 года были Спиридоновым проиграны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.